

Максим Лаврентьев

Книга Экклезиаста

1.

— Всё суета сует! — вздохнул Экклезиаст. —
На что же трачу я свои труды и годы?
Любой исчезнет род, как ни был коренаст,
пустынная земля переживёт народы.

Всходя и заходя, обходит солнце круг,
чтоб заново начать небесное движенье.
Куда б ни мчался вихрь, на север ли, на юг,
продельывает он бесцельное круженье.

Является вода в речной струе опять,
как будто бы текла не к устью, а к истоку.
Не может человек всего пересказать,
услышать всё, на всё дать наглядеться оку.

Что было, будет вновь, — так память коротка!
Под солнцем и луной во времени безбрежном,
как в небе облака, теряются века —
и в будущем нет памяти о прежнем.

И я, Экклезиаст, отверз мои уста,
чтоб только повторить донёсшееся глухо:
нет нового ни в чём, всё тлен и суета,
всё суета сует, одно томление духа.

Кривому никогда не сделаться прямым.
Вселенной пустоту измерить невозможно.
А я пытался мир умом постичь моим!
Умнейшим из людей мой Иерусалим
признал меня, но как же стало тошно!

Я разум восхвалял, я глупость обличал,
однако испытал лишь разочарованье.
Прослыл я мудрецом, но в мудрости печаль,
и умножает скорбь, кто умножает знание.

2.

Взбодрить унылый дух надумал я вином.
Надеясь, как всегда, на мудрости опеку,
освоиться решил немного и в дурном —
и выбрать, что из них полезней человеку.

Возникли вкруг дворцы, а рядом с каждым — сад,
поодаль скотный двор, похожий на хоромы,
зелёные холмы, где зреет виноград,
потребные в жару большие водоёмы.

Помимо сотен слуг, огромная семья
питалась у меня с друзьями молодыми.
Но сколько на пиры ни тратил денег я,
богаче всех людей был в Иерусалиме.

И не чуждались мы приятностей любых,
и веселились так, что головы трещали
уже и у меня, и у гостей моих.
Но сердце дрогнуло в предчувствии печали.

И, оглянувшись вдруг на даль прожитых лет,
напрасно различить среди теней трудился
в минувшем некий смысл, — лишь суету сует
увидел я — и протрезвился.

Да, глупость с мудростью — они как тьма и свет.
Глупца и мудреца не сравнивают даже,
при том, что есть закон, сводящий всё на нет:
ждёт участь их одна и та же.

Плоды трудов моих я оглядел с тоской.
Тщета, ничтожность, тлен! А время быстротечно —
уносит мертвецов из памяти людской;
кто б ни был ты, тебя не будут помнить вечно.

И всё, что пестовал ты на своём веку,
что выпустил из рук измученным страдальцем,
другому перейдёт, возможно — дураку,
который для того не шевельнул и пальцем!

Хотел отречься я, унынием томим,
от обрётённых благ, ведь круг забот бескраен.
Но разве что-нибудь могло быть здесь моим?
Где тут моё добро? Господь владеет им,
Он — сделанного мной единственный хозяин.

Ниспосылает Бог недаром благодать,
и в этом, понял я, для мудрого наука.
А ты копи, копи, чтоб всё потом отдать.
О суета сует! О брэнной жизни скука!

3.

Под небом у всего свой срок, своя пора.
Тот урожай пожнёт, кто в срок посеял семя.
Того сегодня нет, кто был меж нас вчера, —
исчезнуть, умереть всему приходит время.

Есть время убивать и—врачевать врага;
бросать и поднимать, ломать и снова строить.
Сама порою в пляс пускается нога,
но есть часы, когда плясать не стоит.

Смекает человек, пока рассудком здрав,
что следует ему—рыдать или смеяться.
Не требует жена во всякий день забав,
от коих иногда полезно уклоняться.

Как для любви свои часы отведены,
так установлена пора свергать кумира,
молчать—и говорить. И время для войны
бесспорно так же есть, как есть оно для мира.

Всё мироздание непостижимый Бог
вложил в сердца людей одним своим приказом
и, каждой мелочи отмерив строгий срок,
всё лучшим сотворил, всё сделал Он прекрасным.

И я прозрел: живи, благословляя высь,
вкуси плодов земных и соком горло сбрызни,
трудясь, твори добро, душою веселись—
ты на пиру, дружок, а не на тризне!

Не оскудеет Бог. Даров Его не честь.
Но не убавить их. И не прибавить тоже.
Их сколько ни возьми—как было, так и есть.
Что было, будет ввек,—таков закон Твой, Боже!

И я увидел суд, где нечестивый лжёт,
куда святой идёт, как агнец на закланье.
И я сказал себе: судить нас будет Тот,
Кто смертным время дал для испытанья.

Дабы узнали мы, что не важней скота,
что человек судьбой напоминает зверя,
что прахом станет прах, что это—суета,
что мы одной цепи бесчисленные звенья.

Ты жив? Так насладись немедленно, сейчас,
не думая о том, к твоей ли, к общей пользе,
делами рук твоих, ведь никого из нас
не приведут взглянуть на то, что будет после.

4.

Живых я различил под бременем забот.
Под гнётом деспотов, как бы с ярмом на шее,
кто стонет в горести, кто молча слезы льёт.
Но в чём провинность их? Но где их утешенье?

Счастливей мёртвые, сошедшие во тьму.
Куда завидней их земельный выдел!
Хотя им впору ревновать к тому,
кто не родился в мир и зла его не видел.

Не видел суеты, томленья не познал,
как жребия цветка ещё не знает завязь.
Кого судьба ещё не била наповал,
не ослеплял успех и не снедала зависть.

Кто рук не опускал, свершённый труд губя,
кто делом жизни всей не поделился с ветром
и, разум потеряв, не пожирал себя
в отчаянье глухом, в безделье беспросветном.

Несчастный человек! стезёю беглеца,
гонимый нуждами, бредёшь ты одиноко.
Куда ни поглядишь, заботам нет конца,
ничто не веселит измученное око.

И скоро, ослабев, не выдержав утрат,
не устоишь в бою с очередной напастью.
Спасенье для тебя—другой, хоть сын, хоть брат,
сердечный друг, товарищ по несчастью.

Двоим в ночи теплей, удобнее вдвоём
расправиться с врагом, прогнать хандру и скуку.
Случилось что с одним—заботится о нём
другой, ведь другу друг всегда протянет руку.

Ты не пойдёшь ко дну, когда не сможешь плыть.
Спина к спине с другим вы встанете в защите.
Легко порвать одну-единственную нить,
намного тяжелей—две скрученные нити.

Не самодурствуй же, как тот безумный царь,
который, ничьего не услышав совета,
вообразил, чудак, что зять его—бунтарь,
и смертью от врага наказан был за это.

Всевышний ждёт тебя! Поторопись в пути,
но всё-таки смотри внимательно под ноги.
И к алтарю спеша не жертву принести,
а друга выслушать, что сердцу явлен в Боге.

5.

В молитве человек выказывает суть.
Пускай дурак своим не знает меры требам,
ты с Господом всегда немногословен будь,
не забывай, кто ты и что ты перед небом.

В зароках быстрота присуща лишь глупцам:
не помнит остопоп, что обещал намеренно,
прищучь его—себе он удивится сам.
Побойся ж Бога! дав обет—не медли.

Попридержи язык, иначе ты погиб.
С посланником небес отнюдь не вздумай спорить,
не говори ему: «Ошибка! Перегиб!»—
уж лучше промолчать, чем клятвы не исполнить.

И даже если где безгрешного трясут,
и тяжек оговор, как меч, над ним нависший,
не забывай: хоть есть земной неправый суд,
он здесь не наивысший.

И сколько серебра ни приберёт злодей,
сном праведника спать и у него нет власти:
добро оберегать от собственных детей
приходится, не то всё раздерут на части.

И мало ли сирот и вдов ограбил он,
и много ли чего ещё себе наметил,
случится вскорости ему терпеть урон,
всего лишиться вдруг, всё выбросить на ветер.

Несчастный! в этот мир явился ты нагим
и без мощны в руке затем, бедняга, чтобы
однажды, умерев, сойти во тьму таким,
каким когда-то вышел из утробы.

Иное дело труженика дом,
где радость и покой, довольство и достаток,
добро, добытое лишь праведным трудом,
после которого сон безмятежно сладок.

Пусть время нас потом и обратит в ничто,
как мы себя порой изничтожаем сами,
но счастье жить — вот Божий дар за то,
что короток наш век под небесами.

6.

Случается и так: имеет за душой
богатство человек, его годами множит,
а пользуется всем впоследствии чужой,
поскольку ни гроша скупец отдать не может.

Хотя бы у него и было сто детей,
и долгий жизни срок, вертлявостью продлённый,
живого мертвеца нет участи пустей;
счастливей скареда и труп мертворождённый.

Напрасно тот пришёл — и отошёл во тьму,
исчез без имени в стремнине быстротечной;
остался солнца свет неведомым ему,
познал он лишь покой — безбрежный, бесконечный.

А этот, проживи хоть пару тысяч лет,
всё пустит по ветру, ничем не насладится.
Душе измученной нигде покоя нет,
мир для неё — гигантская темница.

И любо-дорого отличие мудреца —
способность жить с людьми, себя от них не пряча,
не скопидомничать, не жаться без конца;
его не беспокоит недостача.

Да, это суета, ей имя — Человек.
Не егози — найдёшь обилие в немногом.
Уймись! не знаешь ты, что будет через век,
и разумом бессилён спорить с Богом.

7.

Не власть показывай, а человечным будь.
Кончины мрачный день важнее дня рожденья,
поэтому держи в дом плача тяжкий путь,
весёлый пир покинь без сожаленья.

В обилии земном среди сплошных утех
под песни глупые и мудрый одуреет.
Оставь безжалостным их идиотский смех,
иди туда, где сердце не черствеет.

Не прячь от глаз людских лица печальный вид
и собственную скорбь дели с чужой потерей.
Прислушайся к пирам — так под котлом трещит
охапка хвороста, полна преострых терний.

Ни света, ни тепла ты не ищи в былом —
сгорев, остыло всё, что нас когда-то грело.
Всегда смотри вперёд и помни об одном:
конец венчает дело.

Отправься налегке по жизненной стезе,
премудрость лишь возьми, как доброе наследство,
препятствия ты с ней преодолешь все,
почище серебра она и цель, и средство.

Достоинство отнесись к заслуженным благам,
в несчастье размышляй, не ползая на пузе, —
то и другое Бог ниспосылает нам,
чтоб не было у нас претензий и иллюзий.

Поэтому ни с кем не будь чрезмерно строг,
не корчи умника, прощай глупцам крошечным, —
от сотворения никто ещё не смог
жизнь долгую прожить совсем безгрешным.

Не уделяй внимания словам,
что за твоей спиной нашёптывает зависть,
немало, вспомни, ты злословил сам,
раскаяньем за это не терзаясь.

Искал я и таких, кто, избегая зол,
житейской мудростью венчал свои седины;
мужчину одного из тысячи нашёл,
а женщины не встретил ни единой.

8.

Лишь мудрый сознаёт значение вещей.
Поскольку ясен взгляд и не тягит суровость,
то в жизни многое разумному видней,
ничто под небом для него не новость.

Народом управлять позволено царю,
казнить и миловать ему легко и просто.
Будь верноподданным, тебе я говорю,
в худом не вздумай проявить упорство.

Кто соблюдёт закон — не испытает зла.
Есть у всего свой срок, и мудрому известно:
придётся претерпеть страданья без числа
тому, кто действует цинично и бесчестно.

Не властен человек укрыться от невзгод,
от бремени борьбы не будет разрешенья,
и то, что от судьбы нечестье не спасёт,
узнает под топор подставленная шея.

Но видел я и грязь, порок в святых местах,
зло, безнаказанно открытое для взора,
злодеев торжество, забывших стыд и страх,
ведь святость защитит себя нескоро;

страдающих за правду, как за грех,
оболганных, отверженных неправо;
а между нечестивых видел тех,
кого венчала праведника слава.

Увы! никто из нас не знает час суда.
Года и дни без этого тягучи.
И похвалил веселье я тогда,
как Божий дар среди житейской бучи.

Не в силах смертные постигнуть Божьих дел.
Бессмысленно искать обоснованье бедам.
Тот врёт, кто говорит, что всё понять сумел,—
Господний промысел и мудрецу не ведом.

9.

Под солнцем и луной всему один конец,
одно и то же суждено любому.
Одним путём идут и умник, и глупец,
одна дорога добром и злому.

И с теми, кто за честь, за правду воевал,
кто жертвовал собой, равно наполнят гробы
все те, кто подличал, у бедных воровал,—
чудовища, на мир исполненные злобы.

Но всё же у живых есть шанс, а умерев,
теряет человек надежду на спасенье.
Счастливей даже пёс живой, чемдохлый лев,
свирепый хищник, безобидный в тленьи.

Покуда смерть грозит, мы жаждем уцелеть,
готовы прилагать различные старанья.
А мёртвым всё равно, у них не будет впредь
ни мира, ни любви, ни воздаянья.

Итак, ступай и пей с веселием вино,
ешь с радостью твой хлеб, с женой живи без спора,—
бери от жизни то, что временем дано,
что возратить придётся очень скоро.

Спасительным трудом наполни дни твои.
В могиле скукота! Поэтому работай,
всегда чего-нибудь выдумывай, твори,
по силам создавай, зато всегда—с охотой.

И кто бы скромность ни язвил твою,
не презирай себя и критиков не слушай:
не самый грозный победит в бою;
кому торжествовать—распорядится случай.

Возвышенная речь влечёт к себе сердца,
и слово мудреца сильнее, чем тирада
враля ничтожного, надменного глупца
или безумного тирана.

10.

И крошечная глупость ум сквернит.
Она как муха в благовонной мази.
Вмиг белоснежного холста испортит вид
единственная капля грязи.

Себя мудрец не может уронить,
а глупый непременно сядет в лужу.
Хоть рот ему зашей, но оборвётся нить,
и вылезет вся дрянь его наружу.

Другому западно он долго может рыть,
не видя, что себе могилу роет.
Он выказать готов особенную прыть,
когда её выказывать не стоит.

Он гору разнесёт. Но тяжек труд ему,
и предпочтёт он участь тунеядца
работы ежедневному ярму,
боясь и на ничтожном надорваться.

Зато без устали орудует он ртом,
как будто требует его натура злая
пространно рассуждать об этом и о том,
в действительности ничего не зная.

Но если поначалу вял язык
и речь глупца младенчески беззуба,
то под конец она—звериный рык,
рёв демона из пропасти безумья.

Своих начальников и самого царя
поносит олух с дерзостью кликуши,
как в лихорадке весь огнём горя,
забыв о том, что и у стен есть уши.

11.

Не становись жлобом—дели твой хлеб с людьми,
не слишком дорожи куском добытым.
Дай жаждущим глоток, голодных накорми;
кто бережёт ломоть, тот не бывает сытым.

Не сохнет небо без пролитых вод,
и урожай пожнёт, кто не зевал, а сеял,
кто не гадал о том, как в бурю упадёт
гнилое дерево—на юг или на север.

Путей своих, дружок, не знает ветер сам.
Попытка заглянуть в грядущее бесплодна.
Покоя не давай ни сердцу, ни рукам,
а Бог управит, как Ему угодно.

В дни юности твоей ты веселись и пой,
лишь душу не стесни грехов тяжёлой ношей.
Иди своим путём, но помни, что любой,
любой наш путь на суд приводит Божий.

12.

О Боге помни в юности твоей,
не забывай и в старческие годы,
когда придут болезни и невзгоды,
предвестники твоих последних дней.

Когда притихнет шум и потускнеет свет,
а ночью ни звезды на небе не проглянет;
когда промчавшейся грозе вослед
гроза другая тотчас грянет.

Недостижимой станет высота,
и ужас перекроет все дороги,
и сникнет голова, туманом залита,
и охладает кровь, и ослабеют ноги.
И будет речь твоя невнятна и глуха,
и пальцы рук на решето похожи.
Но ты поднимешься по крику петуха,
измученный на одиноком ложе,

чтоб, выбившись из сил, почти уже впотьмах
явиться к той черте, к тому порогу,
где обрывается наш суетливый век,
где в землю должен водвориться прах,
а дух бессмертный—устремиться к Богу,
Тому единому, Кем жив ты, человек.